

0-777352

На правах рукописи

ГУЗЕНКО Ирина Владимировна

**ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ВЕРБАЛИЗАЦИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ,
ЭВОЛЮЦИЯ)**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный педагогический университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Шестак Лариса Анатольевна.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ковалев Николай Семенович (Волгоградский государственный университет);

кандидат филологических наук, доцент
Королева Илона Анатольевна (Волгоградский государственный педагогический университет).

Ведущая организация – Магнитогорский государственный университет.

Защита состоится 23 апреля 2009 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещён на официальном сайте Волгоградского государственного педагогического университета: <http://www.vspri.ru> 23 марта 2009 г.

Автореферат разослан 23 марта 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547540

Е. В. Брысина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено комплексному анализу вербализованной христианской символики в русском языке. Тема работы находится на перекрестке важнейших дисциплинарных областей современной лингвистики – контекстуальной лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвистической семантики – и обращена к изучению функционирования христианских слов-символов в русском языке в рамках антропоцентрической парадигмы гуманитарной науки.

Проблема взаимодействия культуры, религии и языка актуализируется, как правило, в наиболее сложные, критические моменты истории, когда общество испытывает потребность в пересмотре и обновлении своих духовных основ. Подтверждением такого вывода может служить русская история на протяжении более чем тысячелетнего существования, в том числе и в последние десятилетия XX в. Конец 80-х – 90-е гг. XX в. ознаменовался бурным ростом интереса к религии в российском обществе. Возвращение Церкви разрушенных храмов и монастырей, их восстановление и строительство новых – все это характерные приметы российской жизни в конце второго и начале третьего тысячелетия.

Важнейшей категорией, объединяющей культуру, религию и язык и выступающей наиболее сокровенной и глубокой формой познания мира, является категория символа. *Символ* представляет собой многогранную и емкую, продуктивную и концентрированную форму выражения культурных ценностей и смыслов. Это наиболее значительный из всех имеющих в культуре «инструментов» реализации ее духовных возможностей. Он представляет, по сути, *конкретно-зримое воплощение тех или иных идей и идеалов как высших ценностей, которыми живет человек и которыми обуславливается развитие и функционирование культуры*. Воплощая в себе высшие духовные пласты культуры, символ становится центральным определяющим образованием всего комплекса ее знаково-языковых выражений. Поэтому изучение символа на протяжении многих лет остаётся в центре внимания философии, культурологии, теологии и, конечно, лингвистики. К XX в. теория символа имела свою достаточно длительную историю и анализировалась в следующих направлениях: исследование символа в контексте культуры (Н.Д. Арутюнова, А. Вежицкая, Ю.М. Лотман и др.); философское осмысление символа (Э. Кассирер, А.Ф. Лосев, Н.Н. Рубцов и др.); изучение символического значения слова (А.В. Медведева, Е.И. Аюпова, Е.В. Шелестюк и др.); анализ взаимосвязи символа с другими лингвистическими категориями (А. Голан, О.Ю. Алейникова, Л.В. Уваров и др.). Существуют также институты и центры, где изучают различные аспекты символа:

Варбургский институт в Лондоне, занимающийся иконологией; Институт К.Г. Юнга в Цюрихе; Институт Людвиг Каймера в Базеле и др.

Вместе с тем, по нашим данным, комплексный анализ вербализованной христианской символики в русском языке до сих пор не проводился. В частности, отсутствуют системные исследования лексических и структурно-семантических особенностей христианского слова-символа, его амбивалентности и имманентной многозначности, парадигматических отношений в вербализованной христианской символике и направлений эволюции семантики христианских слов-символов. Поэтому изучение функционирования христианских слов-символов в русском языке и определение факторов и тенденций концептуальной эволюции символа являются весьма *актуальными*. Кроме того, для лингвистики актуален дальнейший поиск теоретической и практической моделей исследования вербализованного символа, так как синтез представлений о христианской символике в парадигме современной русской культуры может определять ориентацию сознания современного человека в культурно-религиозном поле будущего.

Объектом нашего диссертационного исследования является вербализованная христианская символика, функционирующая в русском языке.

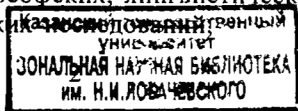
Предмет исследования – семантика христианских слов-символов русского языка, тенденции ее исторического развития, а также факторы, обусловившие возникновение и функционирование христианской символики в русском языке.

В основу работы положена следующая *гипотеза*: символ как категория полифункциональная должен всесторонне определяться в общем культурологическом, философском и религиозном пространстве, концептуализировать сведения в мире и объективировать их в область языка в форме знаков и их ассоциативной ауры. Будучи совокупностью лексических единиц, вербализованная христианская символика должна быть системно организована. Являясь категорией постижения культуры, хранения ее духовных возможностей и сакральных ценностей, а также частью лексической системы языка, христианская символика должна проявлять тенденцию к эволюции, которая, в свою очередь, может быть обусловлена рядом внутренних и внешних факторов.

Цель работы – определить специфику функционирования вербализованной христианской символики в русском языке с учетом лексических и структурно-семантических особенностей и выявить факторы и тенденции концептуальной эволюции христианских слов-символов.

Цель исследования и постановка проблемы исследования определяют конкретные *задачи*:

1) выявить константные содержательные признаки категории «символ» в общем контексте философских, лингвистических, лингвокультурологических и теологических исследований;

2) определить специфику символа в ряду других лингвистических категорий, таких как «метафора», «аллегория», «знак», «концепт»;

3) исследовать семантическую структуру вербализованного символа и выявить семантический потенциал христианской символики;

4) проанализировать парадигматические отношения в вербализованной христианской символике;

5) выявить факторы, обусловившие возникновение и функционирование христианской символики в русском языке в культурно-историческом контексте;

6) определить основные тенденции эволюции семантики христианских слов-символов в русском языке.

Цель и задачи настоящей работы определили выбор следующих *методов* исследования: компонентный анализ (для синхронного описания ядерных элементов семантического поля христианских слов-символов); этимологический анализ (для изучения христианского символа в диахронии, установления механизма его формирования); контекстуальный анализ (для выявления специфики функционирования вербализованного христианского символа в тексте); метод когнитивного анализа (для изучения функционирования христианских слов-символов, выявления структуры слова-символа, определения основных тенденций эволюции семантики слов-символов); метод ступенчатой идентификации (Э.В. Кузнецова) (для определения ЛСГ слов как совокупности единиц, толкуемых через одни и те же слова-идентификаторы); описательный метод (наблюдение, обобщение и интерпретация языковых данных).

Источники исследования представлены несколькими блоками:

1) Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета (2000);

2) словари и энциклопедии символов (В. Бауэр (2000), Г. Бидерманн (1996), Н. Жюльен (1999), Х. Кэрлот (1994), В.В. Похлебкин (1989), Дж. Фоли (1997), Дж. Трессидер (1999), «Эмблемы и символы» под ред. А.Е. Махова (2000), «Энциклопедия символов, знаков, эмблем» под ред. В.А. Андреевой (2000); «Библейская энциклопедия архимандрита Никифора» (1990); «Мифы народов мира» под ред. С.А. Токарева (1982); «Полный православный богословский энциклопедический словарь» (1992); «Христианство: энциклопедия в 3 томах» (1993);

3) толковые словари древнерусского и русского языка («Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.»; «Словарь русского языка XI–XVII вв.»; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; «Толковый словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой; «Словарь русского языка» в 4 томах под ред. А.П. Евгеньевой);

4) тексты древнерусской литературы XI–XVII вв. («Киево-Печерский патерик», «Повесть временных лет», «Поучения Феодосия Печер-

ского», произведения Вассиана Патрикеева, Кирилла Туровского, Максима Грека, Антония Подольского и др.), а также тексты классической русской литературы XVII – нач. XX в. (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, А.Н. Майков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, Н.А. Некрасов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.А. Ахматова, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, С.А. Есенин, Н.А. Клюев и др.).

Кроме того использовалась составленная нами электронная база текстов древнерусской литературы и русской художественной литературы: 840 текстовых единиц (в файлах *.doc) общим объемом 94,6 Мб.

Материалом исследования является авторская картотека христианских слов-символов, состоящая из 210 единиц, отобранных методом ступенчатой идентификации из второго блока указанных источников и методом сплошной выборки из третьего блока источников, в 3500 контекстных употреблениях христианских символов в текстах Библии, древнерусской и русской литературы.

Методологической основой диссертационного исследования являются: принцип системности и основополагающие категории материалистической диалектики о всеобщей взаимосвязи языковых и внеязыковых явлений, единстве и диалектической взаимосвязи природы, общества и познания, о переходе количественных изменений в качественные, противоречиях как основном факторе системного развития; общелингвистические положения о связи языка и общества, языка и мышления, взаимодействии языка и культуры, исторической обусловленности языковых процессов, о синхронном функционировании и диахронном развитии языка.

Теоретической базой исследования являются научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений:

– контекстуальной лингвистики (Н.Н. Амосова, О.С. Ахманова, И.В. Гюббент, Ф.О. Кифер, Г.В. Колшанский, Б.М. Лейкина, В.Я. Мыркин, Е.В. Падучева, Л.В. Сахарный, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, П.А. Яшук);

– когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, А. Вежицкая, З.Д. Попова, И.А. Стернин);

– исследований символа в общей философии и философии языка (Р.Г. Авоян, В.В. Биbihин, Г.В.Ф. Гегель, М.С. Каган, Э. Кассирер, С.В. Лёзов, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, Н.Н. Рубцов, К.А. Свасьян, А.Г. Спиркин);

– лингвокультурологии и общей культурологии (С.С. Аверинцев, О.Ю. Алейникова, Л.А. Беляев, С.Н. Булгаков, В.В. Бычков, И.А. Есаулов, В.Г. Костомаров, Ю.М. Лотман, М.М. Маковский, В.А. Маслова, М. Элиаде);

– исторической лингвистики (А.Н. Баскаков, Р.А. Будагов, В.В. Веселитский, В.В. Виноградов, Л.М. Грановская, И.И. Мещанинов);

– лингвистической семантики и семасиологии (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.М. Васильев, В.А. Звегинцев, Г.С. Клычков, Л.П. Крысин, Е.С. Кубрякова, А.М. Кузнецов, М.В. Никитин, Ж.П. Соколовская, Д.Н. Шмелев);

– семиотики (Р. Барт, В.И. Иванов, В.М. Мейзерский).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществлен комплексный анализ вербализованного христианского символа в синхронии и диахронии с учетом лексических и структурно-семантических особенностей слова-символа. Кроме того, в исследовании впервые описаны парадигматические отношения в вербализованной христианской символике, выявлены факторы, послужившие источником возникновения и эволюции христианских символов в русском языке, а также выделены основные тенденции эволюции семантики христианских слов-символов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в разработку основных положений лингвокультурологии, лингвистической семантики, уточняя и дополняя научные представления о разноаспектных особенностях символа как лингвистической категории. Применение комплексного подхода к анализу вербализованного символа, сочетающего лексический и структурно-семантический аспекты, а также изучение христианских слов-символов в синхронии и диахронии позволяют определить специфику функционирования слова-символа и расширяют область исследования исторической и контекстуальной лингвистики.

Практическая ценность выполненной работы состоит в том, что ее результаты могут найти применение при чтении вузовских курсов по лексикологии, теории языка, истории русского литературного языка; в преподавании спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам контекстуальной семантики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, исторического языкознания, исторической лексикологии. Рассмотренный в работе материал может найти применение в лексикографической практике – при составлении словаря христианских символов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Христианский символ представляет собой ментальную (когнитивную) единицу, способную концептуализировать многовековой культурологический опыт коллектива и объективировать его в область языка в виде знака (вербализованного символа, слова-символа) и его ассоциативной ауры. Специфика функционирования вербализованной христианской символики в русском языке определяется набором лексических и структурно-семантических особенностей слов-символов, а также контекстуальными условиями употребления христианского символа в тексте. В семантической структуре слова-символа вычленяется ин-

тенционал, т.е. предметно-понятийный компонент, и импликационал, экспрессивно-оценочно-эмоциональный компонент в семантике слова, включающий коннотативные (содержательные и эмоциональные) и потенциальные значения слова-символа. Лексико-семантическая специфика вербализованной христианской символики проявляется, преимущественно, в имманентной многозначности слова-символа, т.е. наличии у него смысловой перспективы, и амбивалентности некоторых христианских символов.

2. Вербализованная христианская символика в русском языке представляет собой системное лексическое образование, состоящее из лексем с гиперсемой 'христианский символ', которые вступают в лексико-семантические отношения. Отличительной особенностью вербализованной христианской символики является возможность классификации слов-символов по лексико-семантическим группам как по принципу «от формы (имени слова-символа) к содержанию (значению)», так и по принципу «от содержания к форме». Основными отношениями лексических единиц внутри лексико-семантических групп христианских слов-символов являются синонимические, антонимические и гиперо-гипонимические.

3. Исследование символа не только в синхронии, но и в диахронии позволяет выявить ряд внешних, социальных факторов, которые, находясь в тесной взаимосвязи с внутренними законами развития языка, оказали наиболее существенное влияние на возникновение, функционирование и развитие христианской символики в русском языке. Выделяются следующие внешние факторы: политический, религиозный, культурологический, фактор распространения просвещения и фактор влияния художественной литературы.

4. В эволюции христианских слов-символов можно проследить некоторые закономерности и определить основные тенденции в развитии их семантики. Выделяются следующие тенденции эволюции вербализованной христианской символики в русском языке: 1) тенденция к семантической стабильности слова-символа; 2) тенденция к расширению и абстрагированию лексических значений слова-символа; 3) тенденция к сужению и конкретизации лексических значений слова-символа; 4) тенденция к утрате собственно символического значения слова-символа.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования сообщались на IX и X региональных конференциях молодых исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2005, 2006); Всероссийской научной конференции языковедов и литературоведов «Русский язык и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования» (Самара, 2005); Всероссийской научной

конференции «Актуальные проблемы филологии и филологического образования» (Стерлитамак, 2006); Всероссийской межвузовской конференции «Активные процессы в современном русском языке» (Таганрог, 2006); 10-й юбилейной Международной научной конференции «Ефремовские чтения» «Концепция современного мировоззрения (к 100-летию со дня рождения И.А. Ефремова)» (Санкт-Петербург, 2007) и нашли отражение в 8 статьях и тезисах 2 докладов общим объемом 4 п.л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка лексикографических и текстовых источников, списка сокращений и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, дается характеристика анализируемого материала, методов и методологической базы исследования, раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «*Символ в языке и культуре*» излагаются основные теории и подходы к изучению символа как философской, теологической, культурологической и лингвистической категорий; определяется роль христианского символа в религиозном сознании человека; устанавливаются конститутивные признаки понятия «символ» в ряду категорий «знак» – «метафора» – «аллегория» – «концепт»; выявляется основа семантической мотивированности символа.

В современной науке понятие «символ» раскрывается посредством других эстетических, литературоведческих, философских категорий, таких как «знак», «художественный образ», «аллегория». Необходимо также разграничить понимание символа как ментальной (когнитивной) категории и символа как вербализованной единицы. Мы придерживаемся следующего определения символа как когнитивной категории: *символ – это абстрактная реальность, воплощенная в конкретный знак, способный передать сложнейшие логические понятия, идеи, мистические явления и состояния* (Жюльен 1999). *Вербализованный символ (слово-символ) – это символ, функционирующий в языке в форме знака и его ассоциативной ауры.*

Принципиальное отличие символа от знака состоит в том, что смысл символа не подразумевает прямого указания на денотат; символ, в отличие от знака, выполняющего познавательные функции, предполагает «учет смыслов и ценностей» (Фадеева 2004); знак требует понимания, символ – интерпретации; знак приближен к коммуникации, символ – к мыслительной деятельности. В отличие от *аллегории*, которая

«лишена моментальности» (Ф. Крейцер) и побуждает нас внимательно следовать за ходом мысли, скрытым в образе, «символ нельзя дешифровать простым усилием мысли, он неотделим от структуры образа, в символе есть необходимая связь с его содержанием» (Лосев 1930). Разница между символом и *метафорой* состоит в том, что «метафора делает ставку на значение, которое постепенно приобретает отчетливость, в символе стабилизируется форма» (Арутюнова 1990); метафору обычно относят к конкретному субъекту, символ же легко переходит в область иррационального. Категории «символ» и «*концепт*», с одной стороны, не разграничиваются: «Концепт – это национальный образ (идея, символ), осложнённый признаками индивидуального представления» (Антология концептов 2005); «Символ – концепт, родственный образу» (Маслова 2001). С другой стороны, символ и концепт рассматриваются как категории взаимосвязанные, но не тождественные: «Слово выступает материалом концепта, наряду с его содержательной формой, в виде образа, понятия, символа» (Колесов 2002). «Символ – источник иррационального познания мира, концепт – рационального» (Алексеева 2001).

Исследование символа как доминанты культуры позволяет констатировать, что символ – важнейший «инструмент» (Н.Н. Рубцов) реализации духовных возможностей культуры, культурных ценностей и смыслов. Христианский символ является проявлением естественного для религиозного человека видения мира, способом познания сокровенных глубин мироздания. Анализ некоторых наиболее ранних христианских символов (*агнец, вино, виноградная лоза, рыба, хлеб, Христос-Добрый Пастырь, якорь*) позволяет описать характер символической образности, насыщенной различными имплицитными связями между соответствующими предметами, их признаками и свойствами.

Во второй главе «*Функционирование христианской символики в русском языке*» исследуются проблема лингвистического контекста и проблема соотношения семантики вербализованного символа и его контекстного окружения; рассматриваются категории пресуппозиции, коннотации; устанавливаются структурные элементы слова-символа; исследуются полисемия и амбивалентность христианских слов-символов, а также парадигматические связи в вербализованной христианской символике.

Анализ семантической структуры христианского слова-символа представлен в трех аспектах: а) *семиологическом*, позволяющем выявить предметно-понятийное ядро слова-символа (интенционал): например, денотат слова-символа *Пасхи* – ‘праздник’, сигнификат – ‘в христианстве весенний [праздник], связанный с верой в чудесное воскресение Иисуса Христа, отмечаемый в первое вос-

кресение после весеннего равноденствия и полнолуния по истечении полной недели после иудейской Пасхи' (Ожегов 1995); б) *структурно-семантическом*, который характеризует внутреннюю производность слова-символа, позволяет определить его коннотативные и потенциальные значения. Лексическое значение слова-символа может включать: обыденное понятие – общепринятую в русском языке бытовую форму знания, сложившуюся в процессе практической и культурной деятельности: *агнец* – 'ягненок, жертвенное животное' (Ожегов 1995); коннотации (дополнительные созначения), включающие содержательные (символ *змеи* обладает мелиоративной – 'мудрость' (*змеиная мудрость*) и пейоративной – 'хитрость', 'подлость' коннотациями (*не человек – змея!* 'о злом и язвительном человеке') и/или стилистические (эмоциональные, оценочные, экспрессивные) компоненты значения слова-символа: *змееныш* (неодобр., презрит.); *кроток как агнец* (ирон.); *прикинуться агнцем* (ирон.) (Ожегов 1995); потенциальные значения – содержащиеся в слове смысловые возможности, известные носителям русского языка и проявляющиеся при контекстном употреблении в синтагматических связях: 1) *агнец с крестом* означает 'распятие'; 2) *овцы рядом с агнцем* – 'Христос с учениками'; 3) *агнец со львом* – 'рай' и др.; в) *функционально-смысловом*, который связан с рассмотрением социальных задач коммуникации, а также позволяет определить возможности использования христианского слова-символа в разных функциональных стилях: *идти на крест* (книжн., высок.) – 'быть готовым принять страдания, муки'; *истинный крест* (разг., прост.) – 'клятвенное уверение'; *змий-искуситель* (книжн.) – 'тот, кто вводит в искушение' (Ожегов 1995).

В семантической структуре лексемы *жертвенник* (в значении 'Жертвенник составляет средоточие культа, заключающегося в жертвоприношениях. Жертвенник – знак божественного Присутствия. Моисей предполагает наличие такого верования, когда он половину крови жертв возливает на жертвенник, а другой – окропляет народ, который таким образом вступает в общение с Богом (Исх. 24: 6); то же мы встречаем и у Павла: «Те, которые едят жертвы, не общники ли они жертвенника?» (1 Кор. 10: 18). Христос, который Сам есть одновременно и священник, и жертва, и жертвенник, приносит совершенное жертвоприношение, в котором знак уступает место реальности' (Словарь библейского богословия 1990)) можно выделить: ядро – 'культ' (денотат), 'заключающийся в жертвоприношениях' (сигнификат); ядерное окружение, т.е. коннотации: 'знак божественного присутствия', 'общение с Богом', 'Христос', 'совершенная жертва'; периферию, т.е. потенциальное значение: *золотой жертвенник* – символ, обозначающий 'Христа' и дополняющий символику 'Агнца'. Например: *И пришел иной*

Ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом (Откровение 8: 3). Лексема используется в основном в книжном функциональном стиле либо в нейтральном. Например: *Он позвал к себе горе людское – и горе пришло. Подобно жертвеннику, пылала его душа, и каждого, кто подходил к нему, хотелось ему заключить в братские объятия и сказать: «Бедный друг, давай бороться вместе и плакать и искать. Ибо ниоткуда нет человеку помощи»* (Л. Андреев. Жизнь Василия Фивейского). Жертвенник здесь означает 'священное место, куда приносят жертвы во имя Бога'; душа, которая сравнивается с жертвенником, символизирует 'боль', 'страдание', 'муки', 'кровь'.

Полисемия в лексике христианской символики – наиболее яркое проявление логико-познавательных процессов, в результате которых человек выделял в предметах, явлениях, понятиях религиозного культа и общественной жизни сходные, однородные или противоположные свойства, качества, связи (причинные и следственные) и на основе «общих элементов» обозначал новое имеющимся в употреблении словом. Возможность подобной аналогии, развитие абстрактного мышления способствовали видоизменению семантического объема лексем, относящихся к области христианской символики.

Крест – универсальный, один из наиболее распространённых в мифопоэтических и религиозных системах символ, ведущий свое происхождение из древних времен и нередко функционирующий как символ высших сакральных ценностей. Крест в христианстве – это 'спасение' через жертву Христа, 'страдание', 'вера', 'искупление'. Приведем примеры употребления различных сем многозначного слова-символа *крест* в художественных текстах:

1) 'страдание': *Мученики и исповедники, претерпев за Христа, с ангелами венчаются, цари и князья послушанием спасаются, девственные лики и иноческие собрания, свой крест с терпением несущие, за первенцем Христом от земли на небо следуют* (Кирилл Туровский. Слово об артосе); *Как будто какое-то отчаяние вступило в ее душу; она, видимо, была под гнетом чего-то неведомого, неопределенного <...>, которое она приняла как неизбежный крест своей осужденной жизни* (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова); 2) 'памятный знак после смерти человека': *Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на ее могиле* (Н.М. Карамзин. Бедная Лиза); 3) 'испытание': *Известие о кончине любезной сестрицы и доброй подруги детства Анны Владимировны поразило мое сердце скорбью, каковая скорбь еще более усилилась при мысли, что вам, милый друг маменька, посылается еще новый крест,*

в лице двух сирот-малюток (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); 4) 'молитвенный христианский жест рукой': *Старец осенил себя крестным знаменем и пришел в келию свою* (Повесть временных лет); *Дети прислушались. Отворили двери. // Толстая соседка принесла им щей. // Сказала: «Кушайте». Встала на колени // И, кланяясь, как мама, крестила детей* (А.А. Блок. Из газет); 5) 'специальное сооружение, на котором был распят Христос', 'физические и душевные муки': *Сам Христос бог наш в той час распят на кресте является, // И она, грешная душа, семо и овамо обзирается, // Яко же что некто муж мудр и разумен о сем написа* (Антоний Подольский. Послание к некоему); *Его еще покамест не распяли, // Но час придет – он будет на кресте; // Его послал Бог Гнева и Печали // Рабам земли напомнить о Христе* (Н.А. Некрасов. Пророк); 6) 'культовый предмет, является неотъемлемой частью церкви': *Был чудный майский день в Москве, // Кресты церквей сверкали. // Вились касатки под окном // И звонко щебетали* (А.А. Фет. Был чудный майский день в Москве...); 7) 'культовый предмет, который обретает человек после акта крещения': *С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего древа, на котором был распят сам владыка Христос* (Сказание о князьях владимирских); 8) 'символ верности клятве': *Когда кому крест целовал, то всю жизнь не отступал от своего слова, а если кто нарушал целование крестное, он и тогда клятву соблюдал, никого не обижал и зла никому не творил* (Кирилл Туровский. Слово о князьях); *Казики! Вы целовали крест! Вы клялись...* (С.А. Есенин. Казаки); 9) 'смерть', 'отмеченный смертью': *Еще на западе земное солнце светит, // И кровли городов в его лучах блестят, // А здесь уж белая дома крестами метит // И кличет воронов, и вороны летят* (А.А. Ахматова. Чем хуже этот век предшествующих? Разве...); 10) 'защита от бесов, сатаны': *«Я ведь не нехристь какой, не нечистый; вот перекрещусь, коли хочешь», – и тут он крест положил* (Ф.М. Достоевский. Хозяйка); 11) 'вера в Бога, жизнь во Христе': *Ночь глуха и безотзывна, // Ко Кресту утрачен след. // Где ты, светлая отчизна – // Голубиный Назарет?* (Н.А. Клюев. На кресте); 12) 'считать конченным, более не существующим': *На прошлом я черный поставила крест, // Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест...* (А.А. Ахматова. Опять подошли «незабвенные даты»).

Сущность амбивалентности символа – «одновременность открываемых смыслов в символе» (Элиаде 1999) и единство противоположностей: изменчивости и постоянства, формы и содержания, единичного и всеобщего, конкретного и абстрактного, конечного и бесконечного. Многие христианские символы амбивалентны: *altarь, вода, змея, крест, сова, череп* и др.

Вода – амбивалентный символ 'смерти' и 'жизни', 'смерти' и 'воскресения' (см. табл. 1).

Таблица 1

Вода	
'смерть'	'жизнь'
... в начале... Дух Божий носился над водою <...> сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды (Быт. 1). Вода порождает 'смерть', если это вода болотных топей или стихийная мощь океана, которую невозможно сдержать. (Текст написан жителями Вавилона, стоящего на болотах.)	Из Эдема выходила река для орошения рая (Быт. 2). Вода есть 'жизнь', когда бьет из источника, струится речным потоком или падает на землю дождем. (Текст написан обитателями пустынь.)
Вода крещения	
'смерть'	'воскресение'
Погружение крещаемого в купель символизирует 'причастность к смерти и погребению Христа'	Вода используется в причастии в качестве святых даров и символизирует 'смывание греха и пробуждение к новой жизни'
Сказал бог: «Водою погубил я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей, – водою обновления», ибо и евреи в море очистились от египетских злодеяний, ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: дух божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и духом (Повесть временных лет). Первые христиане были крещены в реке Иордан и выражение иорданская вода приобрело устойчивый смысл 'святая вода, вода крещения': Там Митрий Солунский, с Миколою Влас // Святых обряжают в камлот и атлас, // Креститель-Иван с ендовы расписной // Их поит живою иорданской водой!.. (Н.А. Клюев. Избяные песни).	

Вода как *негативный символ* также обозначает 'волнения' или 'страдания': *Спаси меня, Боже; ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать; вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня* (Пс. 68: 2–3); 'несчастье', которое может внезапно постигнуть человека: *воды потопили бы нас, поток прошел бы над душою нашею; прошли бы над душою нашею воды бурные* (Пс. 123: 4–5).

Вода как *позитивный символ* может обозначать 'невинность' – Пилат, публично умыв руки, произнес: «...невиновен я в крови Праведника Сего» (Мф. 27: 24); 'возрождение человека': в Евангелии от Иоанна (Ин. 4: 14), где Христос говорит самаритянке: «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек»; 'исцеление', 'спасение': *Если бы знала дар Божий, и Кто говорит тебе: «дай Мне пить», то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую... Кто будет пить воду, которую Я дам ему, сделается в нем источником*

воды, текущей в жизнь вечную (Ин. 4: 10–14); *Дети Солнца, в час полночный, // Собрались в игре урочной, // Слитно-дружное вращенье, // Перекрестности круженья, // Плотно слажены ряды, // Мы во имя возрождения // Ждем в душе живой воды* (К.Д. Бальмонт. Радение).

Итак, полисемия и амбивалентность – важнейшие свойства христианских слов-символов, отражающие их семантическую насыщенность и неисчерпаемую глубину.

Представим в нашей работе тематическую парадигму «*Христианский символ*», которая включает слова-члены парадигмы, их лексические значения и состав парадигматических семных отношений – интегральные и дифференциальные семы (*сема* – минимальная смысловая единица (М.Д. Степанова, А.А. Уфимцева, В.Г. Гак, Ю.А. Найда и др.). Для определения состава тематической группы мы применяем метод ступенчатой идентификации, разработанный Э.В. Кузнецовой (Кузнецова 1968). В толковании значений символа в словарях мы выделяем идентификатор ‘христианский символ’ – элемент толкования, имеющий наиболее общее значение (= интегральная сема), и конкретизаторы (= дифференциальные семы), отражающие дифференциальные семантические признаки значения. Лексико-семантический анализ некоторых членов тематической парадигмы христианской символики* представлен в табл. 2.

Таблица 2

Тематическая парадигма	Лексическое значение слова-символа	Семная структура тематической группы	
		Идентификаторы (интегральные семы)	Конкретизаторы (дифференциальные семы)
<i>Лестница</i>	‘В христианстве символизирует постепенное восхождение, пересмотр ценностей, духовный путь сознания’	‘В христианстве’ ‘символизирует’	‘постепенное’, ‘восхождение’, ‘пересмотр’, ‘ценностей’, ‘духовный’, ‘путь’, ‘сознания’
<i>Рыба</i>	‘В христианстве символ крещения, религиозного возрождения, Спасителя’	‘В христианстве’ ‘символ’	‘крещения’, ‘религиозного’, ‘возрождения’, ‘Спасителя’
<i>Солнце</i>	‘В христианстве символизирует бессмертие, воскресение, Иисуса Христа’	‘В христианстве’ ‘символизирует’	‘бессмертие’, ‘воскресение’, ‘Иисуса Христа’

* Дефиниции членов тематической парадигмы взяты из следующих источников: *лестница, рыба* (Жюльен 1999), *солнце* (Бидерманн 1996).

Отличительной особенностью вербализованной христианкой символики является возможность классификации слов-символов по *лексико-семантическим группам* (ЛСГ) как по принципу «от формы (имени слова-символа) к содержанию (значению)», так и по принципу «от содержания к форме». Например, символ *рыбы* может быть классифицирован следующим образом: 1) по принципу «от формы к содержанию» он относится к группе *символов-именований живых существ*; 2) по принципу «от содержания к форме» *рыба* (в значении ‘крещение, бессмертие, воскресение, Христос; три рыбы с одной головой означают Троицу’) может одновременно относиться к нескольким ЛСГ: а) ‘крещение’ → группа *символов-наименований предметов культа, религиозных обрядов и таинств*; б) ‘Христос’ → *символы-имена, известные личности и существа*; в) ‘Троица’ → *символы, обозначающие религиозные начала, и т.д.*

В нашей работе в основу положена классификация по принципу от «формы к содержанию». На основе исследованного материала лексические единицы, относящиеся к христианской символике, были распределены по *шести* ЛСГ.

Первая группа – христианские *символы-именования живых существ* (животные, птицы и т.д.): *агнец, аспид, бык, вол, волк, ворон, гиена, голубь, гусь, дятел, еж, змея, козел, кот, лев, лисица, муха, овца, павлин, паук, петух, пчела, рыба, скорпион, сова, феникс, филин, черный дрозд.*

Исследуемая ЛСГ включает христианские символы, имеющие как *положительную*, так и *отрицательную* (негативную) знаковую направленность. Такие христианские символы, как *агнец, бык, вол, голубь, гусь, пчела, рыба* и др. мелиоративно окрашены. Их дифференциальные семы включают понятия о добре, благодетели, гуманности и т.д.

Например, *пчела* – символ ‘трудолюбия’ и ‘мудрости’: *Пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари, и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтена* (Притчи 6: 8); *Ныне – иноческий образ – трудолюбивая пчела, свою мудрость показывая, всех удивляет: как и те, живущие в пустынях трудами рук своих, удивляют ангелов и людей, так и сия, взлетая на цветы, сотворяет медвяные соты и людям сладость, и церкви потребное подает* (Кирилл Туровский. Слово об артосе). Пчелы также символизируют ‘прилежание’, ‘стремление к порядку и чистоте’, ‘смелость’, ‘бережливость’, ‘осторожность’, ‘благоразумие’, ‘взаимопомощь’, ‘сладость’, ‘религиозное красноречие’. ‘Христиане’ часто сравнивают себя с пчелами, а ‘церковь’ – с ульем. В христианской традиции пчела также – символ ‘Христа’: его ‘милосердия’ (нежность меда), его ‘справедливости’ (жало пчелы), христианских ‘добродетелей’ (образцовое поведение пчел по отношению к «царице») (Жюльен 1999).

Символами, олицетворяющими 'зло', 'греховность', являются *волк, ворон, гиена, дятел, козел, лисица, муха, паук, скорпион* и др. Они, соответственно, имеют пейоративную семантику.

Например, *ворон*, будучи «говорящей птицей», символизирует 'прочество', является 'провозвестником несчастья, болезней, смерти': *Я гибель накликала милым, // И гибли один за другим. // О горе мне! Эти могилы // Предсказаны словом моим. // Как вороны кружатся, чужа // Горячую, свежую кровь, // Так дикие песни, ликуя, // Моя насылала любовь* (А.А. Ахматова. *Я гибель накликала милым...*). *Ворон, посланный из Ноева ковчега*, символизирует 'блуждание', 'беспокойство': *Паче же от всего сердца болезненно въздыхает, // Что на всяк день конечною бедностию погибает // И яко вран без крыл меж домы скитается, // Аще в молитве от того благодатнаго дому и питается* (Антоний Подольский. *Послание некоему сребролюбителю <в защиту Косого>*).

Христианские слова-символы *ворон, гиена, дятел, козел, лисица, паук, скорпион*, с нашей точки зрения, являются *символами-синонимами*, так как их лексические значения основываются на общих интегральных семмах 'дьявол' и 'символизирует'. Лексико-семантический анализ некоторых членов синонимической парадигмы^{*} представлен в табл. 3.

Таблица 3

Синонимическая парадигма	Лексическое значение синонима	Идентификаторы (интегральные семы)	Конкретизаторы (дифференциальные семы)
<i>Гиена</i>	'Символизирует дьявола, кормящегося проклятыми людьми'	'Символизирует' 'дьявол'	'кормящегося', 'проклятыми', 'людьми'
<i>Дятел</i>	'Символизирует дьявола и ересь, подрывающих веру в человеческую природу'	'Символизирует' 'дьявол'	'ересь', 'подрывающих', 'веру', 'в человеческую', 'природу'
<i>Лисица</i>	'Символизирует дьявола, соблазнителя, хитрость, вероломство, обман'	'Символизирует' 'дьявол'	'соблазнителя', 'хитрость', 'вероломство', 'обман'

* Дефиниции членов синонимической парадигмы взяты из следующих источников: *гиена* (Словарь символов [Электронный ресурс]. URL: <http://symbols.ru/articles/giena.html>), *дятел, лисица* (Купер [Электронный ресурс]. URL: <http://slovar.plib.ru/dictionary/d23/.html>).

Интегральными семами, определяющими общее толкование синонимического ряда и являющимися семантической точкой отсчета для других членов парадигмы, служат семы 'дьявол' и 'символизирует'. Дифференциальные семы носят содержательный характер (рациональные семы). Так как набор дифференциальных сем определяет разновидности синонимов, то мы приходим к выводу, что пред нами *идеографические* (семантические) синонимы, содержащие по отношению к доминанте различительные содержательные семы.

Вторая группа – это христианские символы-*наименования растений*: *акация, виноград (виноградная лоза), дерево, Древо Жизни, ель, ива, ирис, кедр, кипарис, лавр, лилия, мак, Мировое Древо, мирт, олива, пальма, пшеница, тис, тополь, трилистник, тростник, фиговое дерево, финик, цветы*.

Анализируя лексико-семантические отношения внутри данной ЛСГ, отметим *гиперо-гипонимическую парадигму*: *цветы*: *ирис, лилия, мак, роза, дерево*: *акация, ель, ива, кедр, лавр, мирт, олива, пальма, тис, фиговое дерево*. Слово с родовым понятием (*цветы, дерево*) является гиперонимом, слова с видовым понятием (*ирис, лилия* и др.; *акация, ель, ива* и др.) – гипонимами. Однако стоит отметить, что эти лексемы входят в состав выделенных парадигм только формально, так как семантика слов-символов не имеет родовидовой взаимосвязи. Представим лексико-семантический анализ гиперо-гипонимической парадигмы *цветы: ирис, лилия, мак, роза** в табл. 4.

Таблица 4

Гипероним	Гипоним	Лексическое значение слова-символа	Идентификаторы (интегральные семы)	Конкретизаторы (дифференциальные семы)
<i>Цветы</i>		'Символизируют духовное совершенство, природную невинность, божественное благословение'	'Символизируют'	'духовное', 'совершенство', 'природную, невинность', 'божественное', 'благословение'
	<i>Ирис</i>	'Символизирует чистоту, защиту, но также, по ассоциации с Девой Марией, печаль'	'Символизирует'	'чистоту', 'защиту', 'Девой Марией', 'печаль'

* Дефиниции членов гиперо-гипонимической парадигмы взяты из Словаря символов (Трессидер 1999).

Гипероним	Гипоним	Лексическое значение слова-символа	Идентификаторы (интегральные семы)	Конкретизаторы (дифференциальные семы)
	<i>Лилия</i>	‘Символ христианской религиозности, чистоты, невинности, Девы Марии’	‘Символ’	‘христианской’, ‘религиозности’, ‘чистоты’, ‘невинности’, ‘Девы Марии’
	<i>Мак</i>	‘Символизирует самопожертвование Христа’	‘Символизирует’	‘самопожертвование’, ‘Христа’
	<i>Роза</i>	‘Символ всепрощения, милосердия, божественной любви, Девы Марии’	‘Символ’	‘всепрощения’, ‘милосердия’, ‘божественной’, ‘любви’, ‘Девы Марии’

Так как специфику гиперо-гипонимической парадигмы составляет совпадение номинаций гиперонима и его интегральной гиперсемы, отметим, что в данном случае номинация гиперонима «цветы» и его интегральная гиперсема не совпадают. Гиперсемы гиперонима должны являться гипосемами по отношению к соположенным семам гипонима, чего также не наблюдается в выделенной парадигме. Гиперо-гипонимическая парадигма, таким образом, представлена формально, как соотношение родовидовых категорий *цветы* – *разновидности цветов*, т. к. семантический анализ символов-членов парадигмы не позволяет установить между ними иерархическую зависимость. Отметим совпадение значений гиперонима и гипонима: ‘*природная невинность*’ – ‘*невинность*’ (*лилия*); ‘*божественное благословение*’ – ‘*божественная любовь*’ (*роза*); гипонимов: ‘*чистота*’ (*ирис* и *лилия*); ‘*Дева Мария*’ (*лилия* и *роза*). Итак, слова-символы *цветы* и *лилия*, *цветы* и *роза*, *ирис* и *лилия*, *лилия* и *роза* в определенных контекстах могут являться символами-синонимами, т.к. имеют тождественные семы.

В данной ЛСГ отметим также наличие *синонимической парадигмы* символа *Мирового Древа*. *Мировое Древо* – характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира и существующий во многих культурах в различных вариантах – *древо жизни*, *древо плодородия*, *древо центра*, *древо восхождения*, *небесное древо*, *шаманское древо*, *мистическое древо*, *древо познания* и т.д.

В Библии Мировое Древо названо *Древом Жизни* и *Древом Познания*: *Ибо вам открыт рай, насаждено древо жизни, предназначено будущее время, готово изобилие...* (3 Езд. 8: 52); *И насадил бой рай на востоке*

в Эдеме, и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного *дерева* – *познания добра и зла* – не есть... (Повесть временных лет). Средневековые изображения Христа, распятого на дереве, стали символом 'духовного просветления': *Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесив на древе* (Деян. 5: 30). Мировое дерево также символизирует 'мудрость': *Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум. Она – древо жизни для тех, которые приобретают ее, – и блаженны, которые сохраняют ее!* (Притчи 3: 13–18).

Третья группа – это символы, обозначающие *религиозные начала*: *ад, апокалипсис, вознесение, грехопадение, дух, душа, крестная жертва, остров, Страшный суд, Троица, рай, сад, Царствие Божие, эдем.*

Интересным представляется символ *Троицы*, концентрирующий в себе еще несколько христианских символов: *Отец, Сын и Дух Святой; Мария, Иосиф и Иисус.* Символами Троицы являются: *рука* (символ 'Отца'), *ягненок* (символ 'Сына') и *голубь* (символ 'Святого Духа'); *трон, книга и голубь* ('сила', 'интеллект', 'любовь'); *три переплетенные рыбы* или *три рыбы с одной головой; три орла или льва; три солнца; треугольник с глазом внутри или тремя звездами; три наложенных друг на друга круга или арки внутри круга; трилистник* или крест из трех листьев (Трессидер 1999). Таким образом, символ *Троицы* формирует свою семантику посредством ряда других символов, тем самым образуя круг взаимосвязанных лексем, таких как *голубь, рука, ягненок, треугольник, клевер-трилистник, трон, книга, рыба, орел, лев, солнце, круг.*

Христианский символ *рая* имеет как синонимическую, так и антонимическую парадигмы. В большинстве традиций рай – это 'огражденный сад', 'остров-сад' или 'Зеленый остров'. Таким образом, членами *синонимического ряда* являются слова-символы *рай – сад – остров. Рай* – в христианских представлениях 'место вечного блаженства, обещанное праведникам в будущей жизни' (МНМ 1982, Т.2): *Красота рая – пажити, лицезрение божие; там песнь поют ангельские хоры, там содружество великое бывает с вышними силами...* (Слово о житии Дмитрия Ивановича Донского). *Утраченный рай* – 'удаление от центра совершенства', 'грехопадение': *Владею небом и землею // И вся яко хощу сотворюю. // В Ран вселюх Адама со svoю. // Они же преступиша заповедь первую. // Адама ради во плоть облекохся. // Их ради вины ко кресту пригвоздихся (Сттишки согласныи что есть человек).*

Сад отождествляется с 'раем': *И, сев со мною рядом, // Она шептала мне: // «Смирись, моя услада, // Мы встретимся у сада // В небесной стороне»* (С.А. Есенин. Не стану никакую...). В Евангелии от Иоанна (20: 15) Мария Магдалина, пришедшая ко гробу Господа рано утром, не узнала стоящего за ее спиной Иисуса: *Она, думая, что это садовник,*

говорит Ему: «Господин! если ты вынес Его, скажи мне...» (отсюда происходит обращение к Господу – Божественный Садовник).

Символ *остров* имеет двойственный смысл: с одной стороны, это 'место изоляции и одиночества', а с другой – 'безопасное место' и 'убежище' от моря хаоса. Волшебные острова означают 'рай', 'Прибежище Блаженных' (Словарь символов. URL:<http://www.simbolarium.ru/simbolarium/sym-uk-cyr/cyr/-om/ostrov.htm>).

В *антонимические* отношения вступают лексемы *ад* и *рай*: *Прекрасно быть безумным, ужасно сумасшедшим, // Одно – в Раю быть светлом, другое – в Ад нисшедшим* (К.Д. Бальмонт. Прекрасно быть безумным, ужасно сумасшедшим...). Принимая во внимание догмат о чистилище (промежуточное место между адом и раем), который есть только в католическом вероучении, мы отмечаем особенность лексемы *ад*, которая пополняет сразу два семантических класса антонимов – контрарных и комплементарных. Контрарные антонимы выражают градуальную качественную противоположность *ад – чистилище – рай*, что соответствует католическому вероучению; комплементарные антонимы – неградуальную качественную противоположность *ад – рай*, что соответствует православному вероучению.

Четвертая группа – это *символы-имена, известные личности и существа*: *Авель, Адам, Апостол (Двенадцать апостолов), Василиск, Дева Мария, Добрый Пастырь, Ева, Иисус Христос, Иуда, Каин, Люцифер, Сатана, Спаситель, Сын Божий* и др. В данной лексико-семантической группе представлен *синонимический ряд*: *Иисус Христос, Добрый Пастырь, Агнец Божий, Давид, Сын Божий, Сын Человеческий, Посредник, Слово Божие, Пророк, Святой, Спаситель, Господь, Служитель Божий, Мессия, Царь, Искупитель, Всевышний, Вседержитель, Создатель* и др.

Эпитетом Иисуса Христа, его другим именем, стало слово *Спаситель* (старослав. «Спас», греч. Σωτήρ): *– Ты видишь, Спаситель, // Измутился я, // Открой мне, Учитель, // Где правда твоя! // Посты и вериги, // Не Божий завет, // Христос, в Твоей книге, // Прощенье и свет* (З.Н. Гиппиус. Баллада). Оно воспринималось как перевод по смыслу имени «Иисус», его эквивалент (ср.: Мф. 1: 21: *и наречёшь имя ему Иисус, ибо Он спасёт людей Своих от грехов их*). Близкий по значению эпитет – *Искупитель* – перевод евр. *go'el* («кровный родич», «заступник», «выкупающий из плена»), употреблённого уже в Ветхом Завете в применении к Яхве (Иов. 19: 25). Например: *А вечный стыд и слезы нам, // И нашим к торжеству врагам, // Си места, места священны, // Где Искупитель наш рожден // И гроб, чем Тартар побежден, // Иноплеменникам вручены* (М.М. Херасков. Ода российскому воинству в феврале 1769).

Иисуса Христа именуют также *Создателем*, например: *Источник жизни! благ податель! // К тебе, о боже! вопию; // И пред тобою, мой*

создатель! // Мою всю душу пролию (Я.Б. Княжнин. Стансы Богу); *Всевышним, например: Господнему лицу во славе предстоящих // И в лике ангелов хвалу его гласящих, // Всевышний рек: «Гряди к потомку твоему, // Дай видеть свет во тьме, подай совет ему»* (М.М. Херасков. Россияда); *Сыном человеческим* (греч. *Υἱός του ἀνθρώπου* как передача араам. *ba'enas*), например: *Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему* (Дан. 7: 13).

Иисус Христос – царь, которому дана «всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28: 18): *Если спросят на суде, то есть допрашивать будет судья, отвечай не робея, что хулил тот ангельского царя: ведь если наказывать нужно тех, кто хулит земного царя, то тем более тех, кто хулит царя небесного* (Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого); *Стефан же возвратился с победой в землю свою, и со всеми пришел в обитель Вседержителя, любуясь там красоте ее, и слова о победе написал в честь Христа-царя* (Из хронографа 1512 года). В качестве мессиянского «царя» Иисус Христос – наследник династии Давида, сын Давида, например: *Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его* (Лк. 1: 32–33). Словосочетание *сын божий* употреблялось как эквивалент царского титула: *И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом* (Лк. 4: 3).

Итак, общей семой выделенных символов-синонимов является сема ‘спаситель’. В христианстве это ‘божественный избавитель человечества от его грехов’: *Пришествие Спасителя. Христос-Спаситель* (Ожегов 1995).

Антонимом символа Спасителя является символ *Сатаны* (по-евр. *шатан* – ‘противник’) или *диавола* (греч. *διάβολος* – ‘клеветник’) – оба эти имени упоминаются в Новом Завете, – в Библии это некое личное существо, невидимое само по себе, но действие и влияние которого проявляются либо в действии других существ (бесы или нечистые духи), либо в искушении: *Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа двенадцати, и он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им* (Лк. 22: 3–4). *Синонимами* символа Сатаны являются *Василиск, Лукавий, Люцифер, дьявол, Азazel, Велиар, Веельзевул* или тождественны Сатане, или являются его соратниками (МНМ Т.2: 412–414). В библейских книгах слово *Веельзевул* встречается в двух неодинаковых смыслах: в Ветхом Завете (4 Цар. 1: 2–3, 16) – ‘местное божество филистимлян’; в Новом Завете – ‘Сатана, глава злых духов или демонов’ (Мф. 12: 24–27; Мк. 3: 22; Лк. 11: 15–20): *Но чернец беседует с господом в затворе // Царь московский антихриста вызывает: // «Ой, Веельзевуле, горе мое, горе, // Новгород мне вольный // Ног не*

лобызает!» // Вылез из запечья *сапина* гадюкой, // В пучеглазых бельмах
исчадье ада... (С.А. Есенин. Марфа Посадница).

Пятая группа – это символы-именования **природных объектов и природных явлений**: вода, ветер, вихрь, гора, гром, звезда, Иорданская река, небеса, огонь, солнце, радуга.

В **антонимические** отношения вступают символы *огонь* – *вода*. Огонь символизирует ‘трансформацию’, ‘очищение’, ‘обновление жизни’, ‘мощь’, ‘энергию’: *Так я, Господь, простерта ниц: // Коснется ли огонь небесный // Моих сомкнувшихся ресниц // И немоты моей чудесной?* (А.А. Ахматова. Я так молилась...). Здесь «огонь небесный» символизирует ‘обновление жизни, очищение, спасение’. Христос бросает *«дерево, не приносящее доброго плода»* в огонь (Мф. 3: 10) и *«крестит огнем»* (Мф. 3: 11), например: *Мы крестились Христом, // Мы крестились крестом, // Обвитым звездами, цветами. // Мы крестились Водой, // Навсегда молодой, // Мы крестились Огнем...* (К.Д. Бальмонт. Крещение); Христос говорит о *«геенне огненной»*: *Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной* (Мф. 5: 22); об огне, в который будут брошены плевели: *Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего* (Мф. 13: 40) и ветви (Ин. 15: 6); это *«огонь неугасимый»* (Мк. 9: 43), *«печь огненная»* (Мф. 13: 42, 50). Вода как амбивалентный символ, с одной стороны, означает присутствие в мире ‘сил смерти’, с другой – ‘возрождение’. Символ воды рассмотрен нами подробно в гл. 2.4.

Шестая группа – это наименования **предметов культа, религиозных обрядов и таинств**: алтарь, артос (артосный хлеб), Библия, грааль, Голгофа, икона, ковчег, крест, крещение, ладан, падуб, Пасха, пост, распятие, таблица судеб, свеча, свиток, скипетр, хлеб, церковь, череп.

Из лексико-семантических отношений в данной ЛСГ отметим **синонимические**: *распятие* – *крест*. Лексемы *крест* – *крещение* – *крестное знамение* связаны **деривационными отношениями**. *Крещение* олицетворяет ‘смерть’ и ‘возрождение’, ‘восстановление’, ‘обновление’: *В Христа крестился, в Христа облекся и вышел из купели просветленным для нетленной жизни и воскресения, имя принял вечное и славное* (Илларион. Слово о Законе и Благодати).

Таким образом, в ЛСГ христианских символов отмечается наличие синонимической, антонимической и гиперо-гипонимической парадигм.

В третьей главе *«Эволюция христианской символики в русском языке»* исследуются факторы, послужившие основой возникновения, функционирования и развития христианской символики, и тенденции семантической эволюции вербализованной христианской символики в русском языке.

Эволюция – социально-философское понятие, конкретизирующее общепризнанный закон перехода количественных изменений в качественные и обратно. В нашей работе понятие «эволюция» трактуется широко – как концепция, противостоящая теориям, отрицающим (или ограниченно понимающим) изменчивость природы и общества, и используется как синоним понятия «развитие», включающего в себя как количественные, так и качественные изменения (НФС 1998). Под концептуальной эволюцией мы понимаем закономерное, направленное количественно-качественное изменение объекта (христианской символики) как системы взаимосвязанных содержательных признаков (лингвистических, культурологических, философских). Термин «концептуальный» в нашей работе используется в значении ‘сущностный, содержательный’ (СТСРЯ 2004).

Язык, которым активно и повседневно пользуется общество как средством общения, живет и развивается. Изменения в языке оказываются возможными благодаря заложенным в нем потенциальным внутренне-го характера, которые обнаруживаются под воздействием внешнего, социального «толчка». В работе исследуются внутренние и внешние, социальные факторы, которые, находясь в тесной взаимосвязи, оказали существенное влияние на появление и развитие вербализованной христианской символики в русском языке. Мы выделяем следующие внешние факторы: политический, религиозный, культурологический, фактор влияния художественной литературы, а также фактор распространения просвещения.

В работе представлено исследование тенденций семантической эволюции вербализованной христианской символики. Мы выделяем *четыре основные тенденции эволюции* христианских слов-символов:

1. Тенденция к семантической стабильности слова-символа представляет собой такое направление развития вербализованного христианского символа, в котором один и тот же символ (значение/значения слова-символа) на протяжении определенного отрезка времени существует в неизменном виде.

Агнец как символ ‘Христа’ – один из наиболее часто используемых символов на протяжении всего существования христианского искусства. Агнец (ягненок) благодаря своей трогательной невинности является символом ‘чистого и доверчивого существа’ (Бидерманн 1996). В Евангелии от Иоанна говорится: *«На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира»* (Ион. 1: 29). Основные значения символа агнца – ‘чистота’, ‘жертвенность’, ‘обновление’, ‘искупление’, ‘невинность’, ‘доброта’, ‘кротость’, ‘человечность’, ‘терпение’.

В Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) представлены следующие значения данной лексемы: **Агньць**. 1. Ягненок: • *совъ бо прободеніе въ ребра приидтъ. щвъ же Аго агньць заколенъ вьсть* (Стихирарь, 1156 – 1163 гг.; Каноны и стихиры Борису и Глебу); / *образн.: • въпрошу же тѣ единого словеси. кто соутъ козлици и кто соутъ агньци. и ре(ч) старць козлище оубо азъ есмь. агньци же въЮ вьсть* (Пролог сентябрьской половины, перв. четв. XIV в. (1313)); / *о Христе: • агнеца и пастырѣ спаса мироу на кр(с)тѣ зрѣши рождшнѣа плачущисѣа* (Сборник молитв, втор. пол. XIII в.). ♦ **агньць божий**: • *трѣпеза прѣдънсѣнааго приготовлена. агньцю бжню тебе ради закалаіемоу* (Изборник Святослава, 1076). 2. Часть просфоры с печатью, вынимаемая для жертвоприношения во время литургии: • *не повѣдѣваемъ дѣакономъ. агньца вынимати* (Кормчая Новгородская, 1280 г. и сер. XIV в.) (СДРЯ 1988, т. 1.).

В Словаре русского языка XI–XVII вв. также содержатся все упомянутые значения, отличие состоит в выделении семы ‘кроткое милосердное существо’ (ср.: ‘о Христе’, ‘агнец божий’ в СДРЯ) в отдельное значение: **Агнецъ**. 1. Ягненок. 2. *перен.* Кроткое милосердное существо (о безгрешном человеке, об Иисусе Христе). 3. Часть просфоры (СРЯ XI–XVII вв. 1975. Вып. 1). В литературе XI – XVII вв. активно используется данный символ: *Это бывает из-за грехов наших, потому что не следуем мы правилам, установленным святыми отцами, забыли мы, что не серебром, не золотом искуплены были от суеты сей жизни и первородного греха, но кровью дорогою непорочного агнца божия пречистого Христа* (Вассиан Патрикеев. Послание старца Филофея царю Ивану Васильевичу); *По крайней мере, наша прелестная Наталья имела прелестную душу, была нежна, как горлица, невинна, как агнец, мила, как май месяц...* (Н.М. Карамзин. Наталья, боярская дочь).

В Толковом словаре русского языка значение агнца как ‘части просфоры’ не фиксируется, однако сохраняется символическое значение: **Агнец**. 1. Ягненок (обычно как жертвенное животное). *Кроток как агнец* (Ожегов 1995). Например: *Вот он – Христос – в цепях и розгах // За решеткой моей тюрьмы. // Вот агнец кроткий в белых ризах // Пришел и смотрит в окно тюрьмы* (А.А. Блок. Евгению Иванову).

Таким образом, агнец как символ ‘кротости’, ‘чистоты’, ‘жертвенности’, ‘невинности’ и пр. сохраняет свое семантическое наполнение в неизменном виде. Утрата данной лексемой одного из своих значений, по нашему мнению, свидетельствует о том, что слова-символы, характеризующиеся семантической стабильностью, имеют тенденцию к относительному понижению их активности, меньшей употребительности, по сравнению, скажем, с вербализованными символами, отражающими тенденцию к расширению и абстрагированию лексических значений слова-символа. Потеря одного из лексических значений, на наш взгляд, может объясняться также спецификой этого значения, которое

является менее распространенным и относится к узкорелигиозной или профессиональной сфере деятельности. В данном случае таким значением оказывается «агнец как 'часть просфоры'».

Одним из христианских символов, который вошел в литературу Древней Руси и закрепился в культурной традиции России, является символ *Девы Марии, Богоматери*. Вопреки христианской догматике, которая характеризует Богородицу, прежде всего, как *Матерь Божию, Приснодеву, Пречистую, Всенепорочную*, православные верующие выдвинули на первый план функцию покровительницы, заступницы, помощницы. Ее называют не только *Утешительницей, Целительницей, Спасительницей, Споручницей грешных*, но и *Вододательницей, Спорительницей хлебов, Млекопитательницей* и т.д.

В Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) отмечается конкретное значение данной лексемы: **Богородица**. По евангельским преданиям, мать Иисуса Христа. • поѣхати на гору къ стѣи бѣи молитис(а) о своѣ(м) спсении (Шестоднев, XIV в.). **Богоматерница** (= богородица). • идеже ц(с)рь, цркъвь създавъ *бомтрьници* (Хроника Георгия Амартола, XI в.). **Богомати** (богородица). • и высъбоудотъ доврѣ... мл(с)тью же съде чьтомы(а) вл(д)чца(а) нашеѣа приснодвыѣф и ч(с)тъѣф *бгомтрь* (Устав студийский церковный и монастырский, к XII или н. XIII в.) (СДр.Я 1988, т. 1).

Образ Марии, таким образом, в православной традиции является одним из главных и символизирует 'чистоту', 'невинность', 'непорочность', 'материнство', 'верность': *Те благодатные юноши, которые звали вас, были пресвятые ангелы, а царица во Влахерне – сама, чувственно явившаяся вам, пресвятая и непорочная владычица наша, богородица и приснодева Мария* (Киево-Печерский патерик). Данный символ характеризуется семантической стабильностью и сохраняет свои значения и в более позднее время: *Я вижу – в просиничном платье, // На легкокрылых облаках, // Идет возлюбленная мати // С пречистым сыном на руках* (С.А. Есенин. Не ветры осыпают пуши...).

Таким образом, символ Марии сохраняет свое символическое насыщение и также относится по нашей классификации к словам-символам, отражающим тенденцию к семантической стабильности.

2. Тенденция к расширению и абстрагированию лексических значений слова-символа означает надделение символического образа в ходе его исторического функционирования новым содержанием, обусловленным новым образом мира или новыми, не свойственными ему ранее идеями. Это содержание характеризуется наличием новых, более абстрактных, образных значений, появление которых обусловлено историческими, социальными и другими факторами. Проведенный анализ слов-символов *ад, солнце, корабль* и др. позволяет констатировать появление абстрактных значений в их семантике.

Ад в христианстве – преисподняя, пекло – место вечного наказания отверженных ангелов и душ умерших грешников. Наиболее устойчивая конкретная черта ада в Новом Завете – это упоминание *огня*: уподобление ада «печи огненной» (Мф. 13: 42), образ ада как «озера огненного и серного» (Апокалипсис 20: 10; 21: 8). Ад символизирует ‘душевные страдания’, ‘мучения’ а также ‘муки ревности и зависти’ (Жюльен 1999). Проследим, как трансформировалось данное символическое значение.

В Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.): Адъ. Ад, преисподняя. • *възвратіагься грѣшници въ адъ и вси забывающии ба* (Сказание о Борисе и Глебе, кон. XI в.) (СДРЯ 1988, т.1). В данном случае лексема *ад* употребляется в значении ‘место, куда попадают грешники’. Употребление лексемы *ад* в своем «прямом» значении является распространенным в литературе разных временных периодов: *Яко гордость и величание многих погубляет // И во дно адово в разные муки посылает* (Стефан Горчак. Виршевый домострой); *В темном аде, под землею, // Тени грешные томятся; // Стонут девы, плачут жены, // И тоскуют, и крушатся...* (А.Н. Майков. В темном аде, под землею...).

В Словаре русского языка XI–XVII вв. лексема *ад* наполняется символическим смыслом: Адъ. 1. Ад. // о символе смерти, тления. • *Святець рече: адъ наречеса тлѣние; всѣхъ во человекъ телеса, во гробѣ полагаема, невидима и темна и согнила суща, нарицаются адъ* (ВМЧ, Окт. 1–3, 226. XVI в.) (СРЯ XI – XVII вв. 1975. Вып. 1). Позднее появляется новое значение лексемы *ад*, которое можно охарактеризовать как абстрактное, метафорическое: Ад. 2. *перен.* Невыносимые условия, тяжёлое состояние; хаос и ужас, царящие где-н. *Душевный ад.* (Ожегов 1995). Например: *Войдя в свою комнату, я бросилась на диван и закрыла руками лицо. Целые три часа пробыла я в таком положении и в это мгновение прожила целый ад* (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова).

Мы приходим к выводу, что вербализованные символы, отражающие тенденцию к абстрагированию значений, характеризуются следующими признаками: 1) повышение степени относительной абстракции каждого последующего значения, появляющегося у символа, в сравнении с его «материнским значением»; 2) субъективизация значений в их истории, накопление ими в ходе их коммуникативной истории субъективно-антропоцентрических компонентов, которые все чаще могут встречаться в расширяющихся контекстах употребления значения в ходе его абстрагирования.

3. Тенденция к сужению и конкретизации лексических значений слова-символа характеризуется появлением в семантической структуре слова-символа не абстрактных, а конкретных значений.

Алтарь – один из сохранившихся до наших дней древних вещественных символов; культовое сооружение, находящееся в передней части

любого храма (церкви, костела, мечети, языческого капища и т.д.) в виде высокого, узкого параллелепипеда или столика (Христианство 1993, т.1). Символизирует во всех религиях 'жертвенник', олицетворяет 'воссоединение с божеством, посредством жертвоприношения', и 'благодарность Господу'. Алтарь, имеющий форму гробницы, символизирует 'переход от смерти к жизни и от времени к вечности'.

В Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.) фиксируется одно значение данной лексемы: **Алтарь**: 1. *Жертвенник*: • *іако же рече гъ. аште принесеше даръ свои къ алтаревн. и тоу памѣнши іако братъ твои нѣчто имать на тѣ. остави даръ свои прѣд алтарьмь* (Изборник Святослава, 1076 г.) (СДРЯ 1988, т.1). Например: **И паки несть достойно к тебе, государю великому царю, // Приходящему по тело Христово к самому божественному алтарю (Справщик Савватий. Послание царю Муханлу Федоровичу)**. Такое символическое значение данная лексема сохранила в неизменном виде: *Вы были голубем в плывущий мой ковчег // И принесли мне весть, как древле Ною, // Что ждет меня земля, под пальмами ночлег, // Что свой алтарь на камнях я построю...* (В.Я. Брюсов. Скука жизни).

В Толковом словаре русского языка отмечается, что: **Алтарь**. 1. Восточная возвышенная часть христианского храма (в православной церкви отделенная от общего помещения иконостасом). 2. В старину: то же, что *жертвенник*. *Принести свою жизнь на алтарь отечества* (перен.: пожертвовать своей жизнью во имя родины) (Ожегов 1995). Значение 'жертвенник' отмечается как употреблявшееся в старину, тогда как на первый план выходит конкретное значение лексемы «алтарь», не имеющее собственно символического наполнения или имеющее его только в рамках религиозного дискурса (религиозная литература, религиозные обряды, службы и т.д.). Таким образом, основным значением данного символа становится его значение как 'части храма', тогда как собственно символическое значение отходит на второй план.

4. Тенденция к утрате собственно символического значения слова-символа. К этой группе, на наш взгляд, можно отнести христианские слова-символы, которые используются как собственно символы лишь в определенной языковой среде: символическое значение в таких лексемах выявляется при условии функционирования их в религиозном дискурсе; символическое значение устанавливается только в контексте; символическое значение, как правило, фиксируется в словарях и энциклопедиях символов.

Например, употребление лексемы *лев* в художественной литературе в значении христианского символа отличается тем, что писатель должен создать определенный контекст, либо установить границы употребления символа, используя примечания, а читатель должен обладать

определенным набором фоновых знаний, чтобы определить отнесенность данной лексемы к области христианской символики: *Еще же инии в велицей славе и богатстве живут // И бедных и беззаступных аки львы овцы жрут. // Инии же в царской светлости пребывают // И паки аки львы народное множество устрашают, // И уста своими яко зми на бедных зияют* // (примеч. – все это библейские образы) (Антоний Подольский. *Послание к некоему*). В данном контексте автор указывает на соотнесение лексем *овца, лев* с библейскими сюжетами и, в данном случае, определяет это в авторском примечании. Ср.: *Я больше не мальчик, не верю обманам, // Надменность и кротость – два взмаха кадила, // И Петр не унижится пред Иоанном, // И лев перед агнцем, как в сне Даниила* (Н.С. Гумилев. Нет дома подобного этому дому). Здесь автор также использует библейский символ *льва*, однако не указывает на его символическую суть в примечании, а «рассчитывает» на фоновые знания читателя. Таким образом, данный символ иллюстрирует тенденцию к утрате собственно символического значения, что ведет к определению данного значения в условиях функционирования в религиозном дискурсе. К христианским символам, отражающим тенденцию к утрате собственно символического значения слова-символа, также можно отнести следующие: *еж, олень, пеликан, муха* и др.

Итак, мы приходим к выводу, что христианская вербализованная символика – «живая», развивающаяся система. Христианские символы претерпели ряд изменений в своей семантике, некоторые вербализованные символы отличаются «стабильностью семантики», в других словах-символах наблюдается появление абстрактных значений, в третьей группе обнаруживается тенденция к конкретизации лексических значений слов-символов, и, наконец, отдельные слова-символы отражают тенденцию к утрате их собственно символического значения.

В заключении диссертации подводятся итоги, делаются общие выводы и намечаются перспективы дальнейшей работы. Перспективы исследования видятся в расширении сопоставления символа с другими лингвистическими категориями, такими как «картина мира», «образ», «понятие» и др.; изучении символа в сравнении с общеславянскими религиозными представлениями, славянской мифологией, существовавшей до принятия христианства. Перспектива изучения вербализованной христианской символики, несомненно, состоит в выборе в качестве материала исследования художественной литературы последних десятилетий и в выявлении векторов дальнейшего развития вербализованного символа.

Выдвинутая гипотеза о семантических изменениях в вербализованной христианской символике нашла свое подтверждение в развитии семантики слов-символов от древнерусского периода до начала XX в.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, входящих в список ВАК

1. Гузенко И. В. Лексико-семантическая парадигматика христианских слов-символов в русском языке / И. В. Гузенко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2007. – № 2 (20). – С. 59–63 (0,5 п.л.).

2. Гузенко И. В. Векторы концептуальной эволюции семантики христианских символов в русском языке / И. В. Гузенко // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова: науч.-метод. журн. – 2008. – Т.14: Осн. вып. – №4. – С. 135–138 (0,5 п.л.).

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

3. Малиева (Гузенко) И. В. Лексико-семантическая специфика христианской символики / И. В. Малиева // IX региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 9 – 12 нояб. 2004 г.: тез. докл. – Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 106–107 (0,2 п.л.).

4. Малиева (Гузенко) И. В. Лексико-семантическая структура христианского символа / И. В. Малиева // Русский язык и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования: Всерос. науч. конф. языковедов и литературоведов, 5–7 мая 2005 г. – Самара: Изд-во СГПУ, 2005. – С. 114–117 (0,3 п.л.).

5. Малиева (Гузенко) И. В. Эволюция символа: христианская символика в современном русском языке / И. В. Малиева // X региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 8 –11 нояб. 2005 г.: тез. докл. – Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Перемена, 2006. – С. 115–116 (0,2 п.л.).

6. Гузенко И. В. Контекстуальные трансформации лексического значения христианских слов-символов / И. В. Гузенко // Актуальные проблемы филологии и филологического образования: тр. Всерос. науч. конф. г. Стерлитамак, 27 марта 2006 г. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 105–107 (0,3 п.л.).

7. Гузенко И. В. Полисемия и амбивалентность в христианской символике / И. В. Гузенко // Филологический поиск: сб. науч. тр. / отв. ред. Г. И. Стрепетова. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. – Вып. 5. – С. 19–23 (0,3 п.л.).

8. Гузенко И. В. Христианская символика в религиозном сознании славян / И. В. Гузенко // Святоотеческие традиции в русской литературе: сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Соломонова, С. А. Демченков. – Омск: Вариант-Омск, 2006. – С. 4–11 (0,6 п.л.).

9. Гузенко И. В. Лексико-семантическая специфика христианской символики / И. В. Гузенко // Активные процессы в современном русском языке: материалы Всерос. межвуз. конф. / отв. ред. Г. Г. Инфантова, Н. А. Сенина. – Ростов н/Д.: Легион, 2006. – С. 174–180 (0,8 п.л.).

10. Гузенко И. В. Христианский символ как способ выражения национального религиозного сознания / И. В. Гузенко // Десятые Ефремовские чтения: концепция современного мировоззрения (к 100-летию со дня рождения И.А. Ефремова): материалы 10-й юбилейной Междунар. науч. конф., 21 апр. 2007 г. / сост. и отв. ред. М. В. Ягодкина. – СПб.: ЛЕМА, 2007. – С. 41–44 (0,3 п.л.).

ГУЗЕНКО Ирина Владимировна
ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ВЕРБАЛИЗАЦИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ)

Автореферат

Подписано к печати 13.03.2009 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ 140.

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27

10-